

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

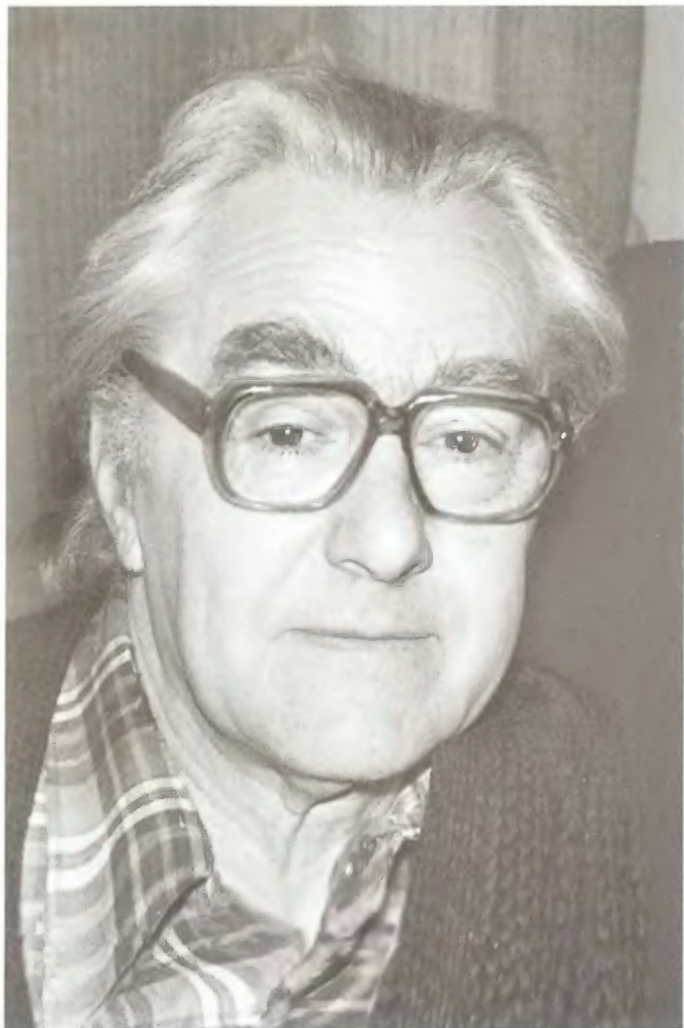
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. **ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский**,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT	221
--	-----

K.L. Bannikov

<i>QUIA ABSURDUM</i> : THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS	261
---	-----

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR <i>DEDOVSHINA</i> . A BRIEF REMARK	279
--	-----

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM.....	285
---	-----

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES	319
--	-----

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD	351
--	-----

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (<i>translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko</i>)	363
---	-----

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (<i>translation and notes by Ye.A. Gurevich</i>)	390
--	-----

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?....	420
---	-----

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

Л.П. Лантева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004.

Работа М.А. Робинсона “Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов)” посвящена исследованию положения российских ученых в первые полтора десятилетия после Октябрьской революции 1917 г. Эта монография повествует об участии российских ученых-славистов в годы, когда постепенно подготавливались обвинения дореволюционных ученых в антисоветской деятельности, вылившиеся, в частности, в печально знаменитое “дело славистов”. Эта трагическая история была освещена в работе “Дело славистов в 30-е годы” Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова, опубликованной в 1994 г., в которую были включены исследование и документальные свидетельства фактического разгрома российского славяноведения. Рецензируемая монография М.А. Робинсона является по содержанию хронологическим предшественником указанной книги Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова.

Как известно, процесс взаимоотношений советской власти с российской академической наукой закончился почти поголовным физическим уничтожением ученых-гуманитариев дореволюционного поколения, осуществленным с помощью сфабрикованных карательными органами обвинений. В отличие от работы Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова, основанной на материалах следствия по “делу славистов” из архивов бывшего КГБ СССР, книга М.А. Робинсона имеет другую источниковую базу. Автор проанализировал письма почти 60 отечественных ученых, преимущественно славистов, а также их коллег – представителей других гуманитарных специальностей. Кроме того к исследованию привлечены дневниковые записи, воспоминания, документы актового характера, исходящие из Академии наук, высших партийных инстанций и пр. Вся корреспонденция извлечена автором из архивов, главным образом Москвы и Санкт-Петербурга, и представляет собой ранее неизвестный или малоизвестный материал. На наш взгляд, использованная в книге корреспонденция

денция, несмотря на некоторую ее субъективность, естественную для этого вида исторического источника, обладает более высокой степенью достоверности в отображении реальных событий по сравнению с материалами следственного дела. Последние основаны на допросах обвиняемых, проводившихся с применением морального и физического насилия, результатом чего были оговоры самих себя и наговоры на других обвиняемых. В письмах, как правило, содержатся откровенные суждения по политическим вопросам, ясно сформулировано отношение ученых к новым методологическим и идеологическим предписаниям послереволюционных властей.

В фокусе изучения М.А. Робинсона находится судьба славянской филологии и ученых, представлявших ее во втором отделении Российской академии наук – в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС), после Октябрьской революции. Вопрос этот в нашей историографии не изучен, а между тем ОРЯС в досоветский период было главным центром славистических исследований в России. Однако к области славяноведения в начале XX в. относились не только филологические исследования – изучение славянских языков, литератур, древних памятников письменности и т.п., но и исследования истории славян, их культуры и духовной жизни во всех ее проявлениях с древности и до современности. Между тем о славистах-историках, также членах Академии, в том числе и по ОРЯС, в книге не говорится почти ничего, хотя автору следовало бы, видимо, учесть, что отечественное славяноведение включает в себя и творчество историков-славистов. В силу этого позволим себе отметить, что понятие “славяноведение”, использованное в названии, перекрывает содержание исследования М.А. Робинсона, фактически ограничивающегося сферой филологии и кругом ученых-филологов.

Описываемый в книге процесс уничтожения гуманитарной науки и ликвидации ее кадров в области славяноведения может быть, на наш взгляд, разделен условно на три этапа. Первый из них приходится на 1917–1925 годы. Февральскую революцию либеральные русские ученые восприняли сочувственно, посчитав ее освобождением России от прежнего деспотизма и началом строительства новой жизни. С течением времени, однако, настроения изменялись, во многом, под влиянием объективной ситуации: война продолжалась, в стране господствовала анархия, осложнилось продовольственное положение в городах. Русские войска отступали, немецкие продвигались в сторону столицы. Общество радикализировалось и в провинции. “Россия пропала – это ясно!” – писал А.А. Шахматов В.М. Истрину. Либерально настроенные ученые восприняли октябрьский переворот отрицательно. Они в целом были принципиальными противниками всякой революции: резко осуждая правые и националистиче-

ские партии, видели в действиях социалистов в период между февралем и октябрём 1917 угрозу государственному единству.

Первые шаги пришедших к власти большевиков вызвали страх и потрясение, равно как и сопровождавшая их социальная ситуация: народ был охвачен психозом, громил, грабил и уничтожал исторические и культурные ценности. Н.П. Лихачев писал В.И. Срезневскому: “Вы спрашиваете, как я думаю спасти мои книги и музей. Да никак! Думали увозить сокровища культуры и древности от немцев, а теперь вся Россия в руках таких стенько-разинцев и пугачевцев, истребляющих накопленные поколениями блага. Куда и что увозить? У меня девять человек детей и я с ужасом думаю, что с ними будет. И бежать-то некуда... В Москве в самом Кремле разбили Патриаршую Ризницу и уничтожили часть древнего Дворцового архива... куда идти дальше” (с. 24).

Новые власти довольно быстро начали вторгаться в сферу высшего образования и работу учреждений, идеологически чуждых новому строю, в том числе Академии наук. Закрывались прежние журналы и издательства, задерживалось печатание книг. «Теперь наука взята под сомнение... Разве нужно чему-нибудь учиться, когда можно штыками достать “всё”? ... Я описал все рукописи Городского музея. Хотел приступить к семинарским, но семинарию заняла “красная армия”, и я слышал – началось уже разорение библиотеки. Нет возможности бороться с тёмными неграмотными людьми, убежденными, что наука и особенно о старине есть “буржуазное занятие”. Такой темноты, какая теперь поднялась со дна жизни, – я никогда не видел, хоть и жывал в деревне», – писал В.И. Перетц (с. 26). Многие ученые после первой (1905 г.) революции в России состояли членами политических партий, преимущественно партии кадетов. В 1918 г. начались их аресты. Так был арестован академик А.И. Соболевский. Ситуация на юге России отражена в письме Н.П. Кондакова А.А. Шахматову из Одессы от 5 июля 1919 г.: “...последние аресты профессоров Доброжанского, Вилинского, Раненкампа, Груздева, Вальтера навели на университет тяжелый кошмар. И.А. Лениченко не был арестован только потому, что не ночевал дома, задержавшись в гостях доле положенного осадным положением срока. В ночь со 2 на 3 июля в его квартиру вошли 6 солдат с офицером и должны были ограничиться только протоколом, не найдя И.А. дома, но потребовали от нас сообщить ему записку о явке в Чрезвычайную комиссию на другой день. Это было исполнено, и А.И. на утро принял эту записку и, объявив, что идет туда, ушел. С того времени мы, как и семьи других арестованных, ничего о них не знали. Ранее арестованный бывший профессор Левашов расстрелян” (с. 29). Расстрелян был также и профессор Киевского университета – крупнейший славист-историк Т.Д. Флоринский. С начала сентя-

бря 1919 г. начались массовые аресты в Академии наук и Петроградском университете. 6 сентября 1919 г. из университета в Наркомпрос был направлен список профессоров и преподавателей арестованных по ордерам ЧК. Среди 13 перечисленных ученых только один был не гуманитарием. Приведенные примеры показывают, что советская власть решительно избавлялась не только от политических противников, но и тех, чья лояльность просто вызывала сомнения, жестоко преследовала всех инакомыслящих. Революция и гражданская война привели не только к гибели огромного количества книжных собраний в сгоревших усадьбах, но и в городах многие библиотеки перестали существовать, а книги из них или расплылись, или сгорели, или были употреблены на макулатуру. Лишились библиотек и некоторые русские университеты – в Ростове, Воронеже, Перми.

Преследования со стороны советской власти проходили в тяжелых для всей страны условиях. С 1917 г. наступил голод. Так 19 января 1918 г. А.А. Шахматов писал В.М. Истрину: “Здесь голод и вообще Петроград – город обреченный. В Москве, говорят, условия не лучше” (с. 65). Кроме того, как правило, не молодые и неприспособленные к бытовым заботам ученые страдали от других лишений. А.А. Шахматов писал А.Ф. Кони: “Ко всем прочим занятиям прибавились домашние хлопоты, прямо-таки меня изнуряющие, приходится топить самому печи, и только недавно нашелся студент, который согласился колоть и таскать дрова” (с. 68). А ученик А.Н. Соболевского Н.М. Карпинский писал 11 декабря 1918 г.: “Терпим и голод и холод. В Петрограде жизнь делается невыносимой. Достать что-либо крайне трудно... Освещение в тех квартирах (как у меня), где нет электричества, отсутствует. Вот догорает последняя свеча и я остаюсь во тьме. В квартире у меня холод 7–9°, вчера было даже 5, отчего в руках и ногах ревматизм... Я ослабел и измотан нравственно” (с. 69). Очередная зима приносила новые проблемы, в частности с топливом. Шахматов жаловался Д.Н. Ушакову в письме от 11 января 1920 г.: “Работаю урывками. Много времени отнимают у меня дрова: мне пришлось доставлять их пилить и колоть”. Перетц в это же время писал Истрину: “Страдаем от отсутствия топлива; я совсем истратился на дрова” (с. 77). “Топить комнаты мы не можем, – писал Шахматов Д.К. Зеленину 21 февраля 1920 г., – дров хватает только на кухню и на комнату рядом с кухней; в остальных комнатах температура держится на 3–4°. Радуюсь и этому, во многих квартирах температура ниже 0°” (с. 78).

М.А. Робинсон отмечает, что в рассматриваемый период не было человека в кругу научной элиты, кто бы не страдал от голода, холода и болезней, хотя степень жизненных испытаний была различной. Ученые и члены их семей в сущности просто вымирали. В 1919 г.

умерли академик А.С. Лаппо-Данилевский, крупнейший источниковед и специалист по истории средневековой Руси и ученик Н.П. Кондакова Я.И. Смирнов. В конце лета 1920 г. скончался А.А. Шахматов. Большая смертность в интеллигентских кругах была вызвана недоеданием и сыпным тифом. Во втором полугодии 1920 г. русская славистика понесла самые серьезные потери. ОРЯС потеряло двух академиков и одного члена-корреспондента, в том числе председателя Отделения А.А. Шахматова, директора рукописного отдела Исторического музея В.И. Щепкина и академика И.С. Пальмова, специалиста по истории церкви. Так в лице своих крупнейших представителей “физически” исчезала славянская филология в России, продолжателей дела старшего поколения было немного, – молодые и здоровые либо уезжали за границу, либо участвовали в Гражданской войне. После окончания Гражданской войны бытовые условия профессуры мало изменились; хотя введение новой экономической политики в сфере экономики несколько облегчило “продовольственный вопрос”, но в целом положение ученых оставалось бедственным; вскоре, наряду с иными возникла и жилищная проблема: профессорам пришлось столкнуться с процессом “уплотнения” жилплощади. Лишь начиная с 1925 г., материальное положение ученых, оставаясь в целом весьма низким по сравнению с дореволюционной ситуацией, все-таки стабилизировалось на терпимом уровне.

Начинается второй этап выживания академического сообщества и объединявших его научных учреждений, отмеченный открытым давлением властей на Академию наук. Это давление сопровождалось кампаниями ожесточенной травли ученых дореволюционной генерации и внедрением в Академию партийных функционеров. В это же время из преподавания в вузах было вытеснено не только славяноведение, но и традиционное языкознание в целом, а потому ученые старой школы были вынуждены покинуть сферу университетского образования.

Характеризуя условия существования российских ученых, автор рецензируемой работы пишет: «...материальные трудности преследовали большинство ученых на протяжении всего послереволюционного пятнадцатилетия. Угроза голодной смерти, перспектива заморзания в собственной квартире, “уплотнение” периодически возвращались, лишь видоизменяя свои формы. Старшее поколение, достигшее к 1917 г. определенного материального благополучия, крайне тяжело переносило сложившееся положение, особенно первого послереволюционного пятилетия. Организованная властями система пайков, безусловно, способствовала выживанию научной элиты страны... Но никакие пайки не спасали от холода зимой и тяжелой физической работы по отопливанию квартир. Именно она чаще становилась конечной причиной смерти ученых» (с. 134).

Быть может, было бы целесообразно подчеркнуть, что революция уравнила элиту общества и основную массу населения в условиях жизни, ограничив и тех и других в удовлетворении даже минимальных жизненных потребностей, и решила таким специфическим образом проблему “социальной несправедливости”, предполагавшей право интеллигенции на ряд существенных социальных и материальных привилегий.

Несмотря на тяжелейшие условия жизни многие ученые продолжали заниматься научной работой – завершали ранее начатые исследования, строили планы на будущее. Отдав всю жизнь научной деятельности, они просто не могли существовать иначе и именно в работе находили утешение. Более того, сохранившая энергию часть академического сообщества оказывала решительное сопротивление, тайное или открытое, новым методологическим течениям, которые внедрялись в науку советскими властями. Основой для всех отраслей знания был объявлен марксизм, специфическими производными которого стали такие идеологизированные научные течения, как социологизм в литературоведении и так называемая “школа Покровского” в исторической науке. Для славистики во многом насильственное внедрение этих новых научных построений имело негативные последствия.

Процессу развития и укоренения в научной среде этих новых подходов и реакции на них со стороны ученых старой академической школы М.А. Робинсон посвящает отдельную главу, красноречиво озаглавленную «“Новая религия” вместо науки: противники и сторонники» (с. 144–190).

История возникновения и содержания одного из таких учений – так называемого марризма, достаточно широко освещена в отечественной научной литературе, в том числе и в публикациях последних десятилетий¹. Вместе с тем М.А. Робинсон в своем исследовании приводит новые данные, показывающие, что учение о языке – “яфетидология”, выдвинутое академиком Н.Я. Марром в начале 20-х годов, встретило решительное неприятие со стороны наиболее крупных языковедов-славистов. Как известно, “учение” Марра полностью отрицало все предшествующее языкознание. По мнению М.А. Робинсона, “оно наносило удар” по классической филологии в особенности. Теория Марра отрицала существование определенных языковых семей, и, следовательно, уничтожала важнейший признак родства славянских народов – родство языковое (с. 147). Автор приводит свидетельства того, что такие ученые, как В.Н. Перетц, византинист С.А. Жебелев, В.П. Бузескул, М.Н. Сперанский и другие,

¹ Наиболее значительная, на наш взгляд, работа на эту тему: *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

воспринимали новую теорию лишь как курьез, но высказывали свои суждения в письмах, не имея отваги, да и возможности заявить о них публично. Более решительно и определенно высказывались уехавшие за границу русские лингвисты, которым ничто не угрожало. М.А. Робинсон приводит яркую выдержку из письма Н.С. Трубецкого к Р.О. Якобсону от ноября 1924 года: «...статья Марра превосходит все, до сих пор написанное им, – констатирует Н.С. Трубецкой. – Но “пригвоздить” ее рецензией – трудно. Во-первых, негде, а во-вторых, по моему глубокому убеждению, рецензировать ее должен не столько лингвист, сколько психиатр. Правда, к несчастью для науки, Марр еще не настолько спятил, чтобы его можно было бы посадить в желтый дом, но что он сумасшедший, это, по-моему, ясно... Даже и по форме статья типична для умственно расстроенного. Ужасно то, что большинство этого пока еще не замечает» (с. 148). Крупный специалист в области сравнительного языкознания, славист А.И. Томсон в письме к Б.М. Ляпунову от 5 июня 1927 г. подробно разобрал учение Марра с точки зрения собственно “яфетизма”. Он отмечал, что марровские приемы доказать родственность таких языков как, например грузинский и немецкий, “не научны, фантастичны” и с подобными “фантастическими сближениями спорить не приходится”.

Но, как показано в книге М.А. Робинсона, не только представители старшего поколения не принимали марризма. В феврале 1929 г. лингвист-востоковед Е.Д. Поливанов выступил в подсекции материалистической лингвистики Коммунистической Академии в Москве с докладом, в котором доказал полную несостоятельность притязаний “марризма” как на лингвистическую ценность, так и на марксистскую его принадлежность. Единственным ученым, поддержавшим Поливанова оказался славист Г.А. Ильинский. Вскоре он писал об этом Б.М. Ляпунову: “...а тут я еще недавно имел неосторожность выступить в здешней Коммунистической академии вместе с небезызвестным Вам Е.Д. Поливановым на диспуте о пресловутой яфетической теории, причем с полной откровенностью высказал свое мнение об этой фантазмагории” (с. 154). Позиция Поливанова встретила решительное осуждение, а “неосторожность” Ильинского вылилась в запрет Н.Я. Марром печатать его “Праславянскую грамматику”, над которой автор трудился много лет. В отзыве на книгу Ильинского Марр писал, что она не выходит за пределы формально-сравнительной школы языкознания, а методологически стоит целиком на позициях идеалистической лингвистики. Марр считал, что «даже массовый читатель с совершенной наглядностью убедится в бессилии формально-сравнительного метода разрешить важнейшие проблемы языкознания и безнадежность того тупика, в который завел этот метод так называемое “славяноведение”» (с. 165). Так круп-

нейший русский лингвист-славист поплатился за свободу высказывания научного мнения. Книга его пропала – судьба рукописи донне неизвестна. Впоследствии сам Ильинский был обвинен в антисоветской деятельности и в 1937 г. расстрелян. Однако число оппонентов “марризму” постепенно уменьшалось, и это направление одержало полную победу. Кроме “марризма” активно развивалось и так называемое социологическое направление в литературоведении, о чем также идет речь в рецензируемой книге.

В главе “Ученые эмигранты и российская славистическая элита” М.А. Робинсон освещает вопрос о контактах между эмигрировавшими из России и оставшимися на родине славистами-филологами. Из анализа переписки по этому поводу видно, что в таких контактах нуждались обе стороны. Находившиеся в Советской России ученые, по идеологическим и другим причинам утратившие возможность публикации на родине своих ранее подготовленных и вновь написанных работ, искали такие возможности за рубежом. Кроме того, советские ученые утратили возможности книгообмена со своими зарубежными коллегами и были заинтересованы в информации о состоянии науки вне России. Эту информацию им и доставляли русские эмигранты. Последние, в свою очередь, также испытывали потребность в контактах с оставшимися на родине коллегами. Уехавшие за границу ученые лишились источниковой базы для своих исследований, а также той интеллектуальной атмосферы, которая создается в живом общении специалистов и стимулирует новые направления научного поиска. Хотя жизни уехавших за границу ученых ничто не угрожало, бытовые и моральные условия их существования были далеко не самыми комфортными. Большинство русских эмигрантов-славистов осело в зарубежных славянских странах, где им пришлось столкнуться с иными традициями и порядками академической жизни, с чуждым менталитетом. Жизнь показала, что романтической идее “славянской взаимности” история нанесла очередной удар, многие русские слависты окончательно в ней разочаровались, и связь с утраченной родиной была для них большим утешением.

Русские эмигранты поддерживали голодающих в России профессоров и академиков продуктовыми посылками, посылали книги, журналы и другую специальную литературу. В виду того что книги по славянской филологии, опубликованные в России, в Западную Европу не поступали, эмигранты стремились установить связи с Российской Академией, с университетами и отдельными лицами с тем, чтобы получать информацию о научных публикациях. И хотя эти попытки, как правило, были безуспешны – российские учреждения на запросы эмигрантов не отвечали, а частные письма доходили до адресатов не всегда, – потребность в научном общении

не уменьшалась. Особую активность в этом отношении проявлял, как видно из материалов, собранных М.А. Робинсоном, известный лингвист Р.О. Якобсон и бывший приват-доцент Петербургского университета М.Р. Фасмер, ставший в Лейпцигском (а позднее в Берлинском) университете ординарным профессором славянской филологии. Фасмер основал новый журнал “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, в который стремился привлечь как представителей традиционного академического славяноведения России, так и более молодых коллег.

Отметим, что научные связи советских ученых со славистами-эмигрантами в указанной главе освещены неполно. История российской научной эмиграции в современной литературе изучена достаточно подробно, и недоступность для автора архивов тех стран, где проживали уехавшие из России ученые, о чем упоминается в книге, можно было компенсировать уже опубликованными материалами. В частности, почти все письма В.А. Францева проанализированы в статьях и очерках о нем. Было бы весьма полезно использовать труды немецкого историка XX в. В. Цейля о Фасмере и его контактах с русскими учеными после эмиграции из России. Имеется также соответствующая литература и о деятельности А.Л. Погодина. Создается впечатление, что, увлекшись анализом ранее не обнародованной переписки ученых, М.А. Робинсон упустил из виду тот факт, что некоторые из писем уже введены в научный оборот его предшественниками по изучению русской эмиграции.

Указанной четвертой главой книги завершается изложение материала о положении “академической элиты” в целом в первое десятилетие советской власти. Далее М.А. Робинсон характеризует творчество и политическую позицию отдельных ученых. Отдельная глава (глава V: “В.Н. Перетц и его научная школа”, с. 229–285) посвящена фигуре В.Н. Перетца. Большое место в этом разделе отведено вопросам о личных взаимоотношениях ученика и учителя. Автор считает, что изучение этого вопроса позволяет выяснить процесс передачи научных традиций и продолжения дела, начатого предшествующим поколением. Проблема научной преемственности представляется весьма важной в контексте истории отечественного гуманитарного знания. В частности, хорошо известные последствия репрессий в отношении славистов, приведшие к ликвидации этой отрасли знаний, обусловили тот факт, что при возобновлении интереса к изучению славян в период Второй мировой войны советской науке пришлось начинать практически с нуля и понадобился не один десяток лет, чтобы в отечественной славистике стали появляться сочинения, имеющие некоторое научное значение.

В.Н. Перетц был специалистом по древней русской литературе и письменности, изучал апокрифы, легенды, народную словесность.

Будучи профессором Киевского университета, он создал семинарий по своему предмету, из которого вышла целая школа исследователей, действовавших уже в советское время. В книге М.А. Робинсона рассмотрена деятельность этого семинария, повествуется об избрании самого В.Н. Перетца в 1913 г. академиком РАН по ОРЯС и о роли ученого в судьбе его учеников. Основной источник исследования – личная переписка – содержит множество подробностей, позволяющих выяснить специфику внутренних отношений в Академии наук, своеобразии взаимных контактов между отдельными учеными с их противоречиями, враждой и дружбой и т.д. Книга М.А. Робинсона в целом выразительно воссоздает атмосферу, сложившуюся в научной среде как до революции, так и в послереволюционное время. Сам же В.Н. Перетц представлен как талантливый ученый и педагог, вполне заслуживающий созданного ему М.А. Робинсоном литературного памятника.

Весьма ценным представляется и очерк, посвященный К.Я. Гроту. Творчество этого известного русского слависта, в рассматриваемый период – единственного из первого поколения учеников В.И. Ламанского, изучено недостаточно, и потому исследование М.А. Робинсона (Гл. VI: “К.Я. Грот и отношение нового славяноведения к предшественникам”) можно оценить как существенный вклад в изучение истории отечественного славяноведения. К.Я. Грот, в отличие от других представителей старшего поколения ученых, враждебно относившихся к Октябрьской революции, хотел быть полезным в “новом обществе”, не прекращал активно заниматься исследовательской работой и интересоваться научной жизнью. Основываясь на размышлениях Грота, изложенных им в 1930 г. в записке “Мой взгляд на переживаемую эпоху” (опубликованной в приложении книги на с. 390–397) М.А. Робинсон констатирует, что лояльное отношение старого славянофила к современной власти определялось его мировоззрением. По мнению автора, К.Я. Грот полагал, что установившийся новый социальный строй обеспечивает решающую роль в государственном управлении народа в лице рабочих и крестьянства, о чем он мечтал еще в дореволюционный период. Положительно относился Грот и “к основной идее социализма именно: безусловного равенства и братства людей и бессловности, – так как такое мировоззрение вполне совпадало с моими христианскими религиозными воззрениями или, вернее, с моими нравственными принципами в понимании религии не в смысле той или другой церковности или исповедания, а в смысле веры в какое-то высшее, непостижимое человеческому уму начало” (с. 391).

Эти строки писались в период, когда научная интеллигенция не только была лишена свободы творчества, но и многие ее представители были осуждены и направлены в ссылку или лагерь. Грот лично

наблюдал жестокое преследование церкви и размышлял, почему вожди и проповедники начал современного социализма преследуют учение Христа, основанное на тех же социальных идеалах (с. 292). Вскоре после написания своих “размышлений” Грот на себе почувствовал ошибочность многих своих взглядов, в частности, обнаружив, что задержка с публикацией его статей стала мотивироваться отсутствием в них марксистского подхода.

По-иному выразил свое лояльное отношение к советской власти младший ученик В.И. Ламанского В.Н. Кораблев. Желая занять определенное место под “солнцем социализма”, Кораблев отрекся от всего, чему поклонялся раньше. В 1933 г. он прочитал в Институте славяноведения доклад под названием “Славяноведение на службе самодержавия” (из деятельности академика В.И. Ламанского) (текст доклада по архивному списку опубликован в книге М.А. Робинсона на с. 398–413). В этом докладе В.И. Кораблев “заключил” реакционную сущность творчества своего учителя и, взяв на вооружение марксистские постулаты классового подхода, объявил все дореволюционное славяноведение наукой, всегда служившей интересам господствующих классов и являвшейся орудием классовой борьбы в их руках. “Наука в царской России, – утверждал В.И. Кораблев, – всегда носила определенную политическую окраску, всегда была сугубо политична, служа интересам господствующих классов и целям правительства” (с. 400). Но ни текст доклада, ни планировавшаяся В.И. Кораблевым монография о Ламанском опубликованы не были. В 1934 г. органами ОГПУ было сфабриковано “Дело славистов”, Кораблев арестован, во время допросов оговорил себя и многих других арестованных по этому делу, был осужден и умер в лагере в 1936 г.

Другим “перебежчиком” в лагерь марксистов, по мнению М.А. Робинсона, был Ю.В. Готье, который в статье “Славяноведение в СССР” оценивал В.И. Ламанского как идеолога самодержавия и сторонника захватнических стремлений русского националистического шовинизма. “Ученики Ламанского, являясь в своей исторической деятельности представителями реакционных течений, оказывали отрицательное влияние на судьбу русского славяноведения вообще” (с. 304), – писал Ю.В. Готье. “Приспособленцем” к новым условиям был и В.И. Пичета, который с точностью повторил оценку русского славяноведения, данную Ю.В. Готье, включая и текстовое совпадение. Вероятно, эта “правильная классовая позиция” В.И. Пичеты способствовала тому, что он стал во главе кафедры истории славян, учрежденной в Московском университете в 1939 г., а затем сыграл ведущую роль в создании Института славяноведения АН СССР. В настоящее время ученики В.И. Пичеты объявили его “классиком советского славяноведения”.

Но всех превзошел в приспособленчестве академик П.С. Державин. В свое время он не только одобрял оценку Кораблевым Ламанского и всего русского дореволюционного славяноведения, но и рекомендовал его работу для публикации. Однако, в 1944 г., когда появилась перспектива создания Института славяноведения и Державин надеялся занять определенное место в иерархической системе Академии, он подготовил доклад к 30-летней годовщине со дня смерти В.И. Ламанского, который, по мнению М.А. Робинсона, можно отнести к жанру панегирика. Текст этого доклада не был опубликован; М.А. Робинсон обнаружил его в архиве Державина (с. 306). Теперь академик утверждал, что Ламанский был ученым-гуманистом, деятельность которого образует целую эпоху в развитии русского славяноведения и одну из выдающихся страниц в истории русско-славянских, международных отношений. Особой заслугой Ламанского Державин считал, что он вырастил целую плеяду учеников, сделавшихся впоследствии выдающимися русскими учеными славяноведами (с. 306–307).

Таким образом, приведенные примеры показывают, что не только органы советской власти уничтожали славяноведение как специальную отрасль знаний, но в этот процесс внесли свою посильную лепту и некоторые ученые-слависты. Такой вывод, хотя и не сформулирован в книге, но логически вытекает из ее содержания. Впрочем, тенденцию к “сотрудничеству” с властями проявляли не только представители славянской филологии, но и другие представители научной интеллигенции, не одобрявшие в душе новые порядки. Советская власть использовала это сотрудничество до определенного момента, а затем заменила старый состав РАН собственными ставленниками, – представителями новой, марксистской идеологии, как правило, партийными кадрами, в массе своей необразованными и невежественными, зато преданными делу коммунизма, большевистской партии и ее вождям.

Третий период в послереволюционной судьбе академической элиты связан с процессом реформирования ОРЯС, ликвидацией самостоятельности этого отделения РАН, а также изменением состава академии в результате выборов 1929 г. Эти события рассматриваются М.А. Робинсоном в двух последних главах книги: «Реформирование “Отделения родного языка”» и «Начало конца “старой Академии”».

Это был третий этап уничтожения славистов, принадлежащих дореволюционной научной традиции. В указанных главах наряду с основным источником исследования – личной перепиской, автор использует и другие исторические свидетельства: решения советской власти, партийные документы и публицистику. Так, резолюция III Всесоюзного съезда научных работников провозглашала, что

“идеологический нейтралитет, как и нейтралитет политический, совершенно недопустим в условиях борьбы за строительство социализма”. Пропагандисты решений съезда утверждали, – говорит далее М.А. Робинсон, – что существует некая группа ученых, которая воплотила и сконцентрировала в себе все традиции старой капиталистической школы, весь быт и уклад капиталистического строя. Группа эта количественно мала, но идеологически вредна своим влиянием, и необходимо “разоблачение ее реакционной сущности, скрывающейся иногда за нейтралитетом и даже лояльностью” (с. 359). Впрочем, к концу 30-х годов советская власть справилась с этим “вредным влиянием”. Из 35 академиков гуманитарного профиля к середине 30-х годов 15 человек умерли, остальные были репрессированы и окончательно ликвидированы в 1937–1938 гг.

Книга М.А. Робинсона – явление уникальное. Она вскрывает трагическую судьбу ученых, попавших в революционный круговорот и трагедию самой науки – славянской филологии в России.

В то же время монография вызывает ряд соображений. Прежде всего, представляется сомнительной тенденция оценивать исключительно негативно все процессы российской истории послеоктябрьского периода. Содержание рецензируемой книги не позволяет сделать иного вывода, нежели категорическое осуждение политики советской власти в отношении науки, культуры и просвещения. Такой подход стал модным в определенной части публикаций, однако, на наш взгляд, историк не должен следовать за модой, он обязан объективно и диалектически оценивать явления, отказавшись от эмоций и личных пристрастий. Между тем, эмоциональный и мировоззренческий радикализм присутствуют в системе авторских суждений. Хорошо известно, что в дореволюционной РАН и в частности в ОРЯС весьма сильными были консервативные тенденции. Так, в течение десятилетий обсуждалась реформа правописания на русском языке, так называемый вопрос “с ером или без него”. После революции вопрос модернизации правописания был решен весьма быстро. Нельзя забывать и о том, что именно в первые годы советской власти были созданы алфавиты для многочисленных бесписьменных народов Российской империи, которым таким образом был открыт путь к грамотности и созданию собственной литературы. Эта безусловно значимая и в социальном, и в научном плане работа могла быть осуществлена только силами лингвистов и филологов, воспитанных до революции и востребованных в новой политической системе. Общеизвестно, что до революции Россия была страной почти поголовной неграмотности населения. Всеобщее бесплатное обучение в школах, его обязательность для детей с 8-летнего возраста, а так же так называемые “ликбезы” для взрослых тоже были плодами революции. А выполняли функцию учителей лица, окон-

чившие дореволюционные учебные заведения, которым в свое время знания передавали в том числе и представители академической элиты. В дореволюционной России практически отсутствовало высшее женское образование. Высшие женские курсы, существовавшие при немногочисленных университетах, готовили несколько десятков учительниц и акушеров из девиц состоятельных родителей. В университеты женщины не допускались. До революции была в России лишь одна женщина-магистр, О.А. Добиаш-Рождественская, да и то потому, что получила во Франции степень доктора по вспомогательным историческим дисциплинам. В 1918 г. она же стала первой и единственной женщиной – доктором всеобщей истории. Еще в 1923 г. академик Перетц тщетно добивался для своих учениц места в Петербургском университете, где не доставало кадров, при этом две из них были магистрами. Как писал Перетц М.Н. Сперанскому: «Тут не без антифеминистического движения, которым отличались тут давно: один видный университетский деятель при рассмотрении заявления одной особы женского звания года два тому назад выразился: “Довольно с нас бабья”. Хорош стиль! А мужеск пол у нас – весьма малограмотен» (с. 265).

Революция 1917 г. открыла женщинам двери университетов и других высших учебных заведений. Она провозгласила полное равноправие женщин во всех сферах жизни и деятельности. Впрочем, как известно, равноправие оказалось далеко не полным. Но что касается высшего образования для женщин, то эту функцию революция выполнила: в нашем обществе женщин с высшим образованием, как показывает статистика, значительно больше, чем мужчин – например, аудитории гуманитарных вузов заполнены процентов на 80 особами женского пола. Революция, как показывает исторический опыт, может многое разрушить, но она же открывает возможности и для новаций. На все эти соображения наталкивает знакомство с книгой М.А. Робинсона, интересной и весьма ценной для понимания истории отечественной науки.